

УДК 811.111.373'231 + 81.373.231:39 + 81:572

С. И. Гарагуля

Белгородский государственный
технологический университет
garagulya@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН)

К л ю ч е в ы е с л о в а: антропоним, антропонимическая автобиография, антропонимическая идентичность, антропонимическая формула, личное имя, содержание имени, социализация.

В рамках настоящей статьи исследуется понятие *антропонимическая идентичность*. Изучение данной проблематики показывает, что антропонимическая идентичность представляет собой динамическую категорию. Присваивая имя ребенку при рождении, родители задают ему определенную идентичность, которая получает свое дальнейшее развитие и наполняется новым содержанием, новыми формами, образами и ассоциациями в процессе социализации индивида. Формирование антропонимической идентичности является результатом идентификации индивида с этнокультурой, языковой картиной мира, национальным характером и т. д.

Концепт *идентичность* сегодня широко используется в социолингвистике, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, этнолингвистике, этнопсихологии, психолингвистике, культурной антропологии. В научной литературе в самом общем понимании идентичность означает «отождествление себя (одного или многих) с кем-то и с чем-то и одновременно различение себя от кого-то и от чего-то» [Губогло, 2003, 55], «отождествление себя с другими и анализ

© Гарагуля С. И., 2012

себя на фоне других» [Леонтович, 2005, 104], «восприятие собственного “я” через взаимодействие и соотнесение себя с другими индивидами»¹ [Mathews, 2000, 16–17]. Вслед за Т. А. Комовой, мы включаем в этот концепт такие составляющие, как «место, где мы живем; имя, которое дается нам от рождения; язык, который мы считаем родным, милые нашему сердцу привычки и традиции» [Комова, 2010, 6].

Американские ученые Дж. Н. Мартин и Т. К. Накаяма, занимающиеся вопросами межкультурной коммуникации, в определении идентичности выделяют три подхода — социопсихологический, коммуникативный и критический: «Идентичность — это общее представление о том, кто мы есть. Особенности идентичности могут пониматься по-разному, в зависимости от того, какой подход избирается к ее определению. ...Социопсихологический подход подчеркивает тот факт, что идентичность создается отчасти собственным “я” и отчасти — в отношении к групповой принадлежности. ...С точки зрения коммуникативного подхода особое значение придается тому факту, что идентичности создаются не только собственным “я”, но и в процессе коммуникации с другими. ...Критический подход представляет собой попытку понять, как формируется идентичность в историческом, экономическом, политическом и дискурсном контекстах» [Martin, Nakayama, 2000, 111–116, 341].

Из вышеуказанных определений следует, что идентичность индивида создается языком, которым он пользуется, культурой, которой он принадлежит, и социумом, в котором он живет, а также межличностными отношениями в этом социуме. Понятие идентичности можно свести к двум вопросам: «Кто я?» и «Как я вписываюсь в окружающий мир?», т. е. как я воспринимаю себя и как другие воспринимают меня.

Идентичность представляет собой комплексное понятие, интегрирующее языковой, культурный, социальный, этнический, религиозный и другие компоненты, и определяется психосоциальным развитием индивида, семейными отношениями и всей историей его жизни. Таким образом, можно говорить о соответствующих видах идентичности: языковой, культурной, социальной, этнической, религиозной и т. д. При этом важно учитывать тот факт, что подобное деление является условным, так как каждый из этих видов включает отдельные компоненты друг друга.

Средствами выражения идентичности служат так называемые «ключевые символы» [Woodward, 2002, IX], такие как язык, одежда, флаги, эмблемы, жесты, артефакты и т. д. [Леонтович, 2005, 147], которые идентифицируют индивида со схожей с ним группой людей, их языком и культурой и дифференцируют этого индивида в отношении другой культуры. Подобным важным «ключевым символом» идентичности индивида является также его имя.

¹ Здесь и далее в цитатах перевод с английского выполнен автором.

Американский психолог, теоретик черт личности Г. Олпорт отмечает: «На протяжении всей жизни самой важной опорой нашей самоидентичности остается имя» [Allport, 1961, 117]. С помощью имени человек заявляет о своей идентичности. Если задают вопрос «Кто Вы?», имя оказывается одним из наиболее частых ответов, который ожидает услышать спрашивающий. Оно часто становится отражением индивидуальных характеристик человека, может вызывать определенные образы, связанные с его носителем. В процессе социализации индивид развивает определенное отношение к своему имени, придавая ему особый смысл и значение посредством самопознания и отношения к нему других членов сообщества.

Анализируя личное имя сквозь призму идентичности, считаем возможным выделить *антропонимическую идентичность*, определяемую как психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур, что позволяет индивиду определить свое место в лингвосоциокультурном пространстве и свободно ориентироваться в нем, создавая определенную связь с обществом, в котором он живет. «Когда человек называет себя Джоном Джоунзом, он символизирует определенные составляющие комплекса образов — образа самого себя и образа, который узнаваем со стороны окружающих» [Adler, 1976, 366].

Для формирования и реализации данной идентичности наиболее важными, по нашему мнению, являются языковая и культурная идентичности, так как имя – это прежде всего элемент языка и культуры. Как отмечает В. Н. Топоров, «имя — импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно и результат ее, поскольку его смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются (именно эти особенности делают имя одним из важнейших индикаторов типа культуры)» [Топоров, 2005, 382]. Кроме того, языковая и культурная идентичности включают большинство составляющих вышеупомянутых идентичностей. Идентичности создаются, используются и регулируются внутри культуры, в языке и с их помощью.

Языковая идентичность — это «совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из знаний языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)» [Губогло, 2003, 39]. Культурная идентичность представляет собой «осознанное принятие человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимание своего “я” с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, самоотождествление себя с культурными образцами именно этого общества» [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2002, 54], а также «символ самосознания, который включает образ мира, систему ценностей и менталитет той группы, к которой принадлежит индивид» [Леонтович, 2005, 144].

Отсутствие имени обозначает отсутствие идентичности. Данную мысль подтверждает приведенное К. Вудворд высказывание 46-летней Кристины Вишп из Великобритании, которая узнала о том, что она появилась на свет в результате искусственного оплодотворения: «У моего отца нет ни лица, ни имени. ... Мои родители даже никогда не были знакомы. Я до сих пор воспринимаю себя как какое-то посмешище, как подделку. У меня больше нет ощущения того, что я знаю, кто я есть на самом деле» [Woodward, 2002, 24].

Обеспокоенность героини непосредственно связана с понятием идентичности. Ее отношение к самой себе, к тому, кто она есть, нарушены не столько тем фактом, что ее отцом оказался не тот человек, которого она считала таковым до определенного времени, а именно тем, что у него нет имени, и, соответственно, у него нет идентичности. Без имени отец не существует для нее. Быть без имени значит не существовать. И Кристина называет себя *a fake* ‘подделка’, ‘подлог’, тем самым утверждая, что ее идентичность ложна. В данном случае у нее отсутствует одна из важных составляющих идентичности — семейная традиция, происхождение. Это отражается на восприятии Кристиной идентичности, но не через свое имя, а через отсутствие имени у отца и, соответственно, своих корней.

Тезис о том, что имя является источником идентичности, подтверждается возросшим желанием тех, кто воспитывается / воспитывался в приемных семьях, узнать свои «реальные», оригинальные имена и найти своих биологических родителей. Об этом пишут американские социальные психологи К. Р. Снайдер и Х. Л. Фромкин. Они приводят в качестве примера мнение психиатра Калифорнийского университета А. Сорровского о том, что те, кто вырос в приемных семьях, имеют большие проблемы, связанные со своей идентичностью. Для ее определения и формирования важную роль играет нахождение своего оригинального имени и корней, что позволяет им ответить на вопрос «Кто я?» [Snyder, Fromkin, 1980, 130–131].

Каждое имя имеет свое содержание, различные компоненты которого выходят на первый план при выделении той или иной идентичности. Имя, занимая особое место в системе языка и культуре, становится своего рода маркером идентичности, или, по терминологии американского лингвиста Джона Э. Джозефа, ее «носителем», «текстом» [Joseph, 2004, 13, 176]. Таким образом, у каждого индивида имя функционирует как «текст» языковой, культурной, национальной, этнической и религиозной принадлежности, семейных отношений; оно может указывать на профессиональное положение человека, определять коммуникативные модели.

Канадский исследователь Мэри В. Симан цитирует следующее объявление, распространенное Комиссией по правам человека в провинции Онтарио [Seeman, 1980, 129]:

«На благо Пита, на благо Хуаниты,
на благо Хорста, на благо Лив,
на благо Дмитрия, на благо Марии,
на благо Нади, на благо Чи Минь,
на благо Азиза, на благо Сола,
на благо каждого из нас давайте трудиться вместе».

Этническое разнообразие имен сделало данное сообщение настолько понятным, что франкоговорящая часть населения провинции сразу же негативно на него отреагировала: в нем не было ни одного имени, принадлежащего французской культуре. Данный пример демонстрирует, что личное имя способно кодировать в себе достаточно информации, чтобы обозначить целую этнокультурную традицию.

Представляют интерес наблюдения британского лингвиста немецкого происхождения В. Ф. Х. Николайсена. При рождении 13 июня 1927 г. родители дали ему три имени — *Wilhelm Fritz Hermann*, отразив соответственно семейную традицию как часть генеалогической культуры, а также принадлежность к немецкой национальной культуре: *Wilhelm* — среднее имя отца (*Andreas Wilhelm Albert*); *Fritz* — имя деда со стороны отца; *Hermann* — имя деда со стороны матери. «Согласно широко распространенной практике имянаречения того времени невозможно ошибиться в отношении моего происхождения: я являюсь старшим сыном своего отца и старшим внуком своих дедов. Об этом вполне отчетливо свидетельствовали и до сих пор свидетельствуют мои имена, и от этого никак не избавиться. Моя ономастическая личность была создана под консервативным и социальным давлением времени, которое определило ее конкретное место в генеалогии моей семьи» [Nicolaisen, 1999, 180]. Далее Николайсен отмечает, что имя *Wilhelm* также в какой-то степени связывает его с историей Германии: «Одно из моих трех имен *Wilhelm* несет еще один смысл: мой отец был назван в честь одного из его дядей, который в свою очередь носил имя первого германского кайзера. Это имя демонстрирует тем самым мою отдаленную причастность к германской монархии» [Nicolaisen, 1999, 180].

Проанализировав более 70 лет своей жизни с точки зрения антропонимической идентичности, автор подводит итог: «Я являюсь носителем многих имен, используемых разными людьми. Перечислю их варианты: *Bill, Bill Nicolaisen, Uncle* (“дядя”) *Bill, Willi, der kleine* (“мальш” — на нем. яз.) *Willi, Onkel* (“дядя” — на нем. яз.) *Willi, Willi Nicolaisen, Wilhelm, Wilhelm Nicolaisen, W. F. H. Nicolaisen, Nicolaisen, Guardian* (“опекун”), *Dr. Nicolaisen, Willie Nick, Professor Nicolaisen, Professor, Dad* (“папа”), *Daddy* (“папочка”), *Opa* (“дедушка” — на нем. яз.) и, конечно, старое доброе имя, указанное в свидетельстве о рождении, — *Wilhelm Fritz Hermann Nicolaisen*» [Там же, 185].

Рассмотрим некоторые из вышеупомянутых форм более подробно: имя *Willi* (гипокористическая форма от *Wilhelm*) соотносит его носителя с семьей, периодом детства и обучением в школе [Nicolaisen, 1999, 181–182]; *Wilhelm* — с окончанием школы, началом трудовой деятельности на ферме, учебой и защитой диссертации в университете Германии: «Именно после войны вне семьи различные люди стали называть меня *Wilhelm*, с момента начала работы на ферме в течение полутора лет, затем во время учебы в университете Тюбингена и т. д.» [Там же, 183]; *Billy* (гипокористическая форма от англ. *William*, немецкое соответствие которого *Wilhelm*) — с учебой в Англии в King's College Newcastle: «Сразу же, не посоветовавшись со мной, профессора, сокурсники, хозяйка сдаваемой квартиры и другие стали называть меня *Billy*. ... Это подразумевало переход с немецкого языка на английский. С радостью говорю, что после моего отъезда из Ньюкасла это имя больше никем не использовалось... так как оно мне не нравилось. Возможно, я бы и не возражал против того, чтобы меня называли именем *Billy* в более юные годы, но когда мне уже было больше двадцати лет, оно казалось таким незрелым, таким детским, таким неосновательным, почти банальным» [Там же]; *Bill* — с жизнью и работой в Великобритании и других англоязычных странах: «Я не знаю, кто впервые назвал меня именем *Bill*, но меня начали так называть и продолжают это делать до настоящего времени. Мои другие имена как будто бы стали своего рода подготовкой или репетицией для создания именно этого имени; оно как будто бы предназначалось для того, чтобы отчетливо выразить то, кто я есть. Сейчас больше людей знают меня по имени *Bill* или *Bill Nicolaisen*, а не по другим именам. Естественно, что эти люди — носители английского языка, но даже и те, для кого родным языком является немецкий, обычно тоже называют меня именем *Bill*» [Там же, 184]; *Wilhelm F. H. Nicolaisen* / *W. F. H. Nicolaisen* — как автор публикаций [Там же].

Каждое из этих имен используется в определенных речевых ситуациях и отражает различные стороны собственного «я» Николайсена в отношении к себе и окружающему миру в разные периоды жизни. Динамика данной антропонимической идентичности такова, что оригинальные имена *Wilhelm Fritz Hermann*, присвоенные Николайсену при рождении родителями, стали просто инициалами (в официальном употреблении), а среди друзей и коллег он теперь известен как *Bill*.

Другой рассказ о своем имени представлен британским социологом Фелли Нкуето Симмондс (Felly Nkweto Simmonds), полное имя которой — *Felicitas Nora Nkweto Simmonds*. Она родилась в Замбии в середине прошлого века, и по этнической традиции этой страны имя *Nkweto* ей дали родители ее отца (она была названа именем прадеда) [Simmonds, 1996, 109].

Ее родители в свою очередь дали ей также английское имя *Nora* как отражение английской культуры, навязанной в то время колониальным режимом в стране: «Что касается именнаяречения, то я родилась в неудачное время. Послевоен-

ное колониальное африканское общество переживало кризис идентичности. Иметь английское имя было символично. Это был своего рода способ продемонстрировать, что вы являетесь частью современного социума и можете говорить по-английски. Наши новые имена символизировали другую жизнь» [Simmonds, 1996, 109]. Позднее она перестанет использовать это имя, так как оно соотносилось с колониальным прошлым своей родины.

Обучаясь в католической монастырской школе, она была вынуждена принять еще одно имя — *Felicitas* (от лат. «счастье») в честь покровительницы св. Фелисии. Позже Фелли Нкуето Симмондс сократила это имя, приняв форму *Felly* как знак отказа от католической религии, и начала употреблять ее в семейном кругу, среди друзей, а затем и официально.

Далее автор отмечает, что сохранение полного набора личных имен для нее очень важно в связи с собственной идентичностью: «Мои имена определяют мое местоположение во времени и пространстве. Это дает мне ощущение собственной истории, которую я разделяю не только с народом Африки, но также со всеми африканцами, живущими в диаспоре. Я являюсь носителем своей истории и истории своего народа. ...Это и есть моя идентичность» [Там же, 113–114].

Фелли Нкуето Симмондс использует разные личные имена своей общей антропонимической формулы в зависимости от того, как она воспринимает себя и как ее воспринимают другие в пространстве и во времени, тем самым актуализируя разные компоненты своей антропонимической идентичности.

Felicitas Nora Nkweto Simmonds: «Мое полное имя представлено только в документах государственного страхования и водительском удостоверении. В публичной обстановке, например на конференциях, я настаиваю, чтобы на бейдже было указано мое полное имя» [Там же, 113].

Felly: «Мои друзья называют меня *Felly*» [Там же, 110].

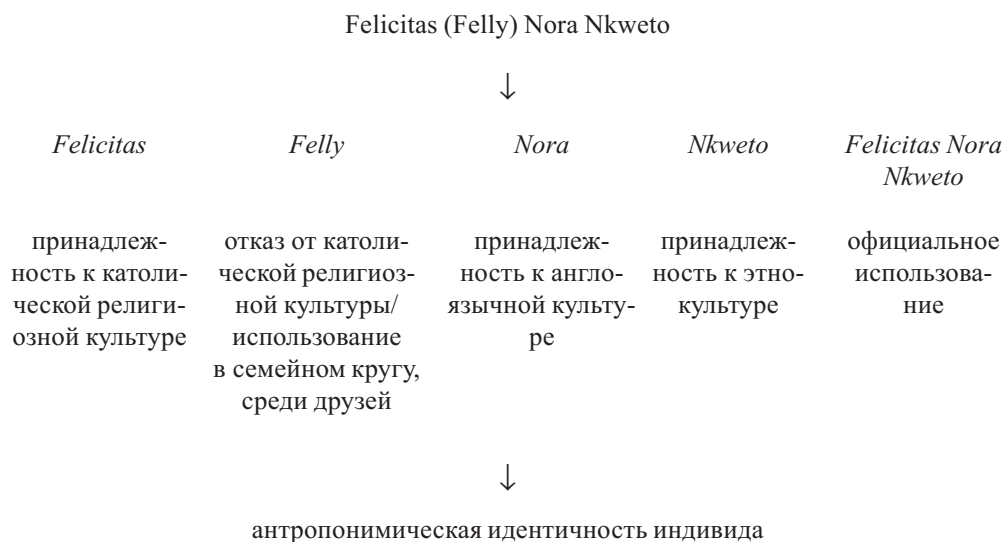
Nora: «Я редко использую имя *Nora*, так как оно наименее близко мне. Меня называют этим именем только в Замбии, но бываю я там теперь нечасто» [Там же, 113].

Nkweto: «Сейчас, как никогда раньше, имя *Nkweto* наиболее близко мне. Это может быть связано со смертью моей матери. Я ощущаю потребность в близости к ее душе посредством своей собственной души, имени *Nkweto wa Chilinda*. В последнее время я использую его, когда пишу стихи, когда пишу душой, когда говорю о том, что трогает мою сущность» [Там же, 113].

Каждое из данных личных имен имеет свой смысл, свое содержание, свое прагматическое и лингвокультурное наполнение, и они очень важны для определения идентичности индивида в целом и антропонимической идентичности в частности. «Именование себя по-разному в зависимости от ситуации общения создает пространство, в котором я могу переживать различные моменты личного характера и осознавать различные идентичности (у нас их множество). Все это предполагает целостность моей личности, а не ее фрагментацию» [Там же, 113–114].

Таким образом, имя предстает как свернутый лингвокультурный текст (см. также пример с именем *Wilhelm Fritz Hermann Nicolaisen*).

Структуру антропонимической идентичности *Felicitas Nora Nkweto* можно изобразить схематически следующим образом:

Подобные контексты мы называем *антропонимической автобиографией*, определяемой как описание всего жизненного опыта индивида, воспоминания, рассказы, семейные истории и традиции, связанные с его именем, восприятием индивидом своего имени и оценкой этого имени другими.

Таким образом, личное имя является важнейшим средством взаимодействия человека с окружающим миром, оно несет определенную информацию членам общества и самому индивиду о том, кто он есть. Имя связывает нас с нашим культурно-историческим наследием и делает уникальными в нем. Д. Э. Джозеф отмечает, что «индивидуальная идентичность начинается с личного имени и желания придать ему значение» [Joseph, 2004, 176]. Этот тезис особенно важен для понимания антропонимической идентичности. В процессе ее формирования имя реализует функции идентификации и социализации.

Д. Э. Джозеф ставит знак равенства между «значением имени» и «жизнью носителя этого имени» [Joseph, 2004, 176]. Это перекликается также с понятием «содержание имени» [Гарагуля, 2010, 46–59].

Таким образом, антропонимическая идентичность представляет собой динамическую категорию: она не бывает постоянной и данной раз и навсегда, меняясь в течение всей жизни человека. Присваивая имя ребенку при рождении, родители задают ему определенную идентичность, которая получает свое даль-

нейшее развитие и наполняется новым содержанием, новыми формами, образами и ассоциациями в процессе социализации индивида. «Имена проникают в суть нашего бытия и представляют собой своего рода форму поэзии, повествования, волшебства и сжатой истории» [Kaplan, Bernays, 1997, 13].

Антропонимическая идентичность индивида имеет интегрирующий характер и включает в себя множество компонентов: языковой, культурный, национальный, этнический, социальный, расовый, религиозный, психологический, личностный, гендерный, — которые, в свою очередь, могут рассматриваться как отдельные виды идентичности. Каждый из них способен выходить на первый план и становиться основополагающим в структуре антропонимической идентичности индивида как языковой личности.

-
- Гарагуля С. И.* Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах: на материале английских личных имен. М., 2010.
- Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2002.
- Губогло М. Н.* Идентификация идентичности : этносоциологические очерки. М., 2003.
- Комова Т. А.* Введение в сопоставительную лингвокультурологию. Великобритания — Россия. М., 2010.
- Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.
- Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2005.
- Adler P. S.* Beyond Cultural Identity: Reflections on Cultural and Multicultural Man // Intercultural Communication: A Reader. Belmont, 1976.
- Allport G. W.* Pattern and Growth in Personality. New York, 1961.
- Joseph J. E.* Language and Identity — National, Ethnic, Religious. New York, 2004.
- Kaplan J., Bernays A.* The Language of Names. New York, 1997.
- Martin J. N., Nakayama T. K.* Intercultural Communication in Contexts. California, 2000.
- Mathews G.* Global Culture. Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket. London, 2000.
- Nicolaisen W. F. H.* In the Beginning Was the Name // Names. Vol. 47. 1999. P. 179–187.
- Seeman M. V.* Name and Identity // Canadian Journal of Psychiatry. Vol. 25. 1980. P. 129–137.
- Simmonds F. N.* Naming and Identity // Reconstructing Womanhood, Reconstructing Feminism. Writings on Black Women. London ; New York, 1996. P. 109–115.
- Snyder C. R., Fromkin H. L.* Uniqueness: The Human Pursuit of Difference. New York ; London, 1980.
- Woodward K.* Understanding Identity. London, 2002.

Рукопись поступила в редакцию 10.10.2011 г.

S. I. Garagulya

Belgorod Shukhov State Technology University (Russia)
garagulya@mail.ru

**ON THE PROBLEM OF ANTHROPONYMIC IDENTITY
(WITH REFERENCE TO ENGLISH GIVEN NAMES)**

Key words: anthroponym, anthroponymic autobiography, anthroponymic identity, anthroponymic formula, given name, name content, socialization.

The paper discusses the concept of *anthroponymic identity*. The study of the problem demonstrates that anthroponymic identity should be considered as a dynamic category. When a baby is given a name, its parents impose a certain identity upon it, which evolves as it becomes enriched with a new content, new forms, images and associations in the process of the person's socialization. The formation of an anthroponymic identity is a result of the person's identification with an ethnic culture, a linguistic worldview, a national character, etc.